

УДК 821.511.131.09

В. Л. Шибанов

**СВОЕОБРАЗИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ПОЭЗИИ
ВАСИЛИЯ ВАНЮШЕВА**

Среди удмуртских поэтов вт. пол. XX в. особое место занимает Василий Михайлович Ванюшев. Главная особенность его поэзии – это открытая социальность, сопричастность всему, что происходит вокруг человека. Высокая гражданственность обнаруживается в размышлениях о судьбах современной деревни (его родная Кусо Какся уже не существует), о социальном положении народа и национального языка в противоречивую эпоху перестройки. Поэтический взгляд в прошлое, обращение к богатым событиями истории (средневековое городище Иднакар, гражданская и Великая Отечественная войны) – это, прежде всего, ощущение кровной связи с современностью, преклонение перед гордой и трудной судьбой своего народа и всей страны в целом. Центральное место в гражданской поэзии В. М. Ванюшева занимает поэма «Как будто книга бытия (На Иднакаре)». Сюжетно-фабульная нить поэмы сознательно нарушена, интрига заложена в чередовании (кинематографически говоря – в монтаже) картин прошлого и настоящего. Для кого-то книга может читаться как нетрадиционная речь гида-экскурсовода, посвящающая гостей в тайны городища Иднакар; для кого-то – как торжественная ода и воспевание героического прошлого своего народа; а для кого-то – как глубокая боль души и под-сознательное обращение к тому, чего вернуть нельзя. Думается, что для адекватного понимания авторского замысла эти три интерпретации читатель должен наслоить друг на друга, лишь в таком ключе поэма начнет переливаться всеми цветами и оттенками, заложенными в нее. Поэтическое творчество Василия Ванюшева – это синтез реальности и мифа, глубинное постижение закономерностей минувших эпох в соотношении с днем сегодняшним, раскрытие загадок современности с учетом опыта прошлого.

Ключевые слова: удмуртская литература, гражданская лирика, Иднакар, «малая родина», гражданственность.

Василий Ванюшев начал печататься в Можгинском педучилище, где посещал литературный кружок Е. А. Коноваловой. Вскоре начинающего автора заметили известные удмуртские писатели Михаил Петров и Трофим Архипов. В годы учебы в МГУ раскрылся еще один талант В. М. Ванюшева – исследовательский, что воплотится в будущем в его кандидатской диссертации.

Первый поэтический сборник В. Ванюшева «Выжыосы» («Мои корни», 1976) – это прежде всего творческий диалог с учителем и коллегой по работе в газете «Комсомолец Удмуртии» Флором Васильевым. Так, стихотворение «Гажан мертгос» («Любимый росток») сознательно перекликается со стихами Ф. Васильева «Мертты тон льёмпу» («Посади черемуху»): «Нылыд-пиед вордскиз ке семьяд, / Укно улад ик мертты тон льёмпу» («Когда в твоей семье родится ребенок, / Черемуху у дома посади» [5. С. 74]). В. Ванюшев, присоединяясь к этим строкам, пишет:

*Ӗз вордйськы война дугдон аре
Солдат юртын мусо, ненег нуны,
Но кышномурт тулыс потйз кыре,
Мерттйз льёмпу, малпаз будэтыны.
Быриз солдат. Уз вордскы нунызы.
Но та мертгос – гажамзылэн пизы [1. С. 10].*

(Не родился в год окончания войны / В солдатском доме милый ребенок, / Но женщина весною вышла во двор, / Посадила черемуху, решила взрастить. / Погиб солдат. Не будет у них ребенка. / Но это деревце – плод их любви» [Здесь и далее подстрочный перевод наш. – В. Ш.]).

Позднее рядом с этой черемухой появляется целый сад, так как другие солдатские вдовы тоже посадили здесь свои деревца. Таким образом, «зеленый сад воплотил (сохранил) в своих кольцах любовь, спасенную от боев» [1. С. 11]. Один из следов гражданской войны В. Ванюшев показал в стихотворении «Пужым» («Сосна»). К дереву, сваленному бурей, подошли лесорубы. Но в одном месте они никак не могут распилить древесину, так как

<i>Пересь пужым пушкын улэм</i>	В старой сосне жил, оказывается,
<i>Куке мертчем снаряд пыры [1. С. 14].</i>	Когда-то впившийся осколок снаряда.

В связи с этим автор размышляет о других многочисленных «осколках», которые так или иначе влияют на современную эпоху. Гражданственность стихов В. Ванюшева – не в поучениях и декларативности (чем страдала тогда удмуртская лирика), а в точно выбранной детали и ее символизации. Эта особенность проявилась в следующем сборнике «Шунды но гудыри» («Солнце и гром», 1980) еще нагляднее и ярче. В своей рецензии «Адямиез жугтись чурьёс» («Строки, возвышающие человека») Л. Карпушина справедливо писала: «Да, гражданской и философской тематикой нас уже не удивить... Но В. Ванюшев усилил в них символическое и аллегорическое начало, его гражданские стихотворения строятся на динамичном сюжете» [9. С. 4]. А. С. Зуева отмечает: «Лирический герой В. Ванюшева мужает, крепнет, берет на себя ответственность за весь мир, переполняется чувством гражданской ответственности, по-своему мыслит» [8. С. 51].

Уделяя большое внимание поэтическим переводам, В. Ванюшев верен своей проблематике – актуализации стихов гражданско-патриотического содержания. Он переводит Шандора Петефи, Василия Федорова, Евгения Евтушенко («Хотят ли русские войны»), Олега Поскребышева, Гамиля Афзала, Заки Нури,

чуть позднее – Габдуллу Тукая, Ивана Куратова. Работа над поэтическими переводами положительно повлияла на самобытный формирующийся голос удмуртского писателя.

В сборнике В. Ванюшева «Шунды но гудыри», по словам критика А. Ермолаева, на первый план выходит борьба между добром и злом, но эти понятия опираются на «характеристики, закрепленные столетним опытом» [7. С. 148]. Так, о безвременно ушедшем поэте Флоре Васильеве автор пишет:

<i>Нюлэс кушын</i>	На лесной поляне
<i>Овёл мултэс писпу –</i>	Лишних нет деревьев –
<i>Баблес бадяр</i>	Кудрявый клен,
<i>Сокем вал интыяз!</i>	Он к месту был как раз!
<i>Нош улонын</i>	Но в жизни
<i>Весь малтамъя уг лу –</i>	Не бывает лишь по желанию –
<i>Чашийиз огпол,</i>	Ударило однажды (молнией),
<i>Бадяр йылэз тйяз</i> [2. С. 55].	Вершину клена сломило.

В этих стихах Василий Ванюшев обращается к знаменитым строкам учителя: «В любой чаще лишних нет деревьев. / И если даже вырубить кусты...» [5. С. 63] – и переосмысливает их, актуализируя жизненный путь самого трагически ушедшего поэта.

Синтез социального и мифологического начал характерен для стихов, посвященных «малой родине» поэта. Через образы из народных преданий и удмуртской мифологии Ванюшев говорит о зарождении своей деревни Кусо Какся («Кусо Какся»), а в стихотворении «Ондрей кыз» («Ель Андрея») напоминает читателям о старинном обряде, как уходившие на фронт солдаты «отмечали» верхушки елей: по ним, якобы, можно будет узнать, жив он еще или погиб в дальних краях. Семь струн гитары («Гитара») – как семь старинных названий дней недели, которыми пользовались древние удмурты (вспомним, что древние названия месяцев поэтически восстановил Флор Васильев). В целом два раздела книги: «Милям гуртмы» («Наша деревня») и «Быдэс дунне тӧлын шока, оло...» («Видно, весь мир дышит ветрами...») – показывают, что поэт В. Ванюшев одновременно работает в русле как «тихой», так и «громкой» лирики. Параллельно он завершает работу над монографией «Расцвет и сближение», посвященной типологии соотношения национального и интернационального в удмуртской и других литературах, успешно защищает кандидатскую диссертацию.

Тема дружбы народов не могла не отразиться в ряде стихов сборника «Шунды но гудыри». Так, стихотворение «Дьёр» написано по следам пребывания в Венгрии. Семь стихотворений посвящены Алма-Ате, среди них примечательны обращения к известному казахскому писателю Мухтару Ауэзову. В стихотворении «Пужей сюр» («Рога оленей»), посвященном мансийскому поэту Ювану Шесталову, форма и содержание строго направлены на создание яркого образа: «Рога оленей» не только несут в себе символический смысл, но и «изображаются» в словесном рисунке-узоре: поэт как будто подбирает удмуртские слова на *сюр* и *сю*:

<i>Пужей сюр, пужей сюр, пужей сюр,</i>	Рога оленей, рога оленей, рога, рога,
<i>Чѐм нюлэс кадь уно пужей сюр...</i>	Словно чаща, рога оленей...
<i>Пыд улын ягмульы, тундра нюр –</i>	Под ногами брусника, болото тундры –

Сюреслы люкетісь мурт уг сюр! [2. С. 37]. Никто не закроет дорогу.

После звуковой игры на *ту* (*тундра* и самолет «Ту») поэт вновь возвращается к созвучию: *сюрс* – тысяча, *сю* – сто, *сюлэм* – сердце: «Иськемъёс медло сю яке сюрс – / Котьмае вормозы сюлэмъёс» (Пусть будет верст хоть сто, хоть тысячи / Сердца одолеют все). Богатая звукопись характерна и для стихотворения «Затчалан» («В Зятцах»), посвященного родне и обычаям сельчан любимой девушки. Игра словами и звуками направлена на создание доброго юмора (*Зачча – зече – кортчал – зичы – чечы*); затем образуются другие пары (*берекет – бертыны, вырзиз – Варзи*), воссоздающие колорит местности.

На стихи, посвященные детям, удмуртская критика, к сожалению, не обратила должного внимания. Думаю, что сборники Ванюшева «Солнечный каравай» (М., 1983) и особенно «Колосок, задевший небо» (М., 1985) требуют отдельного разговора. Так, о второй книге Е. Дунская писала: «Поэт исходит из понимания добра, рассказывая о былинных великанах, солдатских вдовах, об удмуртском гусле – крезьчи» [6. С. 11]. Критик В. Кононов характеризует произведения В. Ванюшева через понятие «неприметная новизна»: «Не просто колосок, а «задевший небо» /.../ У приверженцев такой поэтики, прямо скажем, нет надежды на шумный успех. Но обаяние естественности тоже чего-нибудь да стоит. От критика же такие неприметные поэты требуют сосредоточенности, неторопливого чтения, постепенного вживания в эмоциональный мир автора» [10. С. 77]. Жалко лишь, что ряд стихов неудачно переведен на русский язык, что было отмечено некоторыми критиками. Дело в том, что в подтексте (именно подтексте) удмуртских стихов явно ощущаются мотивы из удмуртской мифологии (небеса, которые когда-то были внизу, задевали колосья; три коня, которых меняет богатырь при переправе через реку, и др.), русский читатель этих нюансов в переводах ощутить не мог.

Многие стихи книги «Шунды-Мумы» («Мать Солнца», 1995) и последующих сборников, появившихся в эпоху так называемого «ельцинизма», остро публицистичны. Их можно условно объединить в цикл «Неприятие» («Сютэмъёс» – «Алчные», «Тылпу» – «Пожар», «Ку?» – «Когда?» и др.). Острые национальные проблемы (исчезновение национального языка, обрусение, проявления шовинистского отношения к малым народам) поднимаются в стихотворениях «Бырьёнъёс» – «Выборы», «Арыслан» – «Лев», «Удмурт кыл» – «Удмуртский язык», «Янгыш-а мон?» – «Виновен ли я?» и др.

Но в этом ряду еще более отчеканенными выглядят стихи на мифологические темы, например: цикл триолетов «Тон возьма монэ, мумыкор» – «Жди меня, матица», «Дунъёс», что можно перевести одновременно и как ценности, и как чистота. Интересно, что удмуртское слово *дунне* (мир, мироздание) содержит в себе оба этих значения (авторская поэтическая этимология), и В. М. Ванюшев рассматривает экологическую проблему не только как философскую, но и как национальную. Вот фрагмент из триолета, уже ставший хрестоматийным:

*Тон возьма дорам бертэмме, мумыкор,
Бадзым сюресэ мон туннэ потйсько,
Горд чук мон тынад мугорад бырттйсько.
Тон возьма дорам бертэмме, мумыкор!
Уз чигы сьлтёл но уз вормы лек зор,
Дорад тон кыскод монэ котьку но, дор.
Тон возьма дорам бертэмме, мумыкор,
Бадзым сюресэ мон туннэ потйсько [З. С. 41].*

(Жди моего возвращения домой, матица! / В большой путь выхожу я сегодня, / Красный бант в твоё тело вбиваю. / Жди моего возвращения домой, матица! / Не сломаёт буря, не одолеет злой дождь – / К себе ты будешь всегда тянуть меня, дор. / Жди моего возвращения домой, матица! / В большой путь выхожу я сегодня.)

Эпически-повествовательное начало и глубокий лиризм характеризуют поэмы В. Ванюшева «Вожмин» («Наперекор»), «Меми гоштэт» («Материнское письмо») и др. Заметить, что в сер. 1990-х гг. удмуртская поэма теряет ведущее положение в панорамном освещении проблем бытия, и поэт В. Ванюшев стремится придать этому жанру новое социальное звучание. Так, в лиро-эпической поэме «Удмурт выжы книга (Иднакарын) = Как будто книга бытия... (На Иднакаре)» традиционный разговор «о времени и о себе» поднимается на качественно иной уровень поэтических поисков, названный рядом исследователей как этнофутуризм. В. Ванюшев видит рациональное зерно в этом феномене, но вкладывает в этот термин немного другой смысл, чем большинство молодых финно-угорских исследователей.

Текст поэмы дается параллельно на двух языках – удмуртском, русском (перевод А. И. Демьянова), затем еще на французском (перевод Н. П. Долгиной). Такая форма книг сейчас особенно востребована, потому что пропагандирует удмуртскую литературу среди русскоязычных и зарубежных читателей, но также дает возможность обрусевшим удмуртам приобщиться к своим языковым истокам. В книгу включены фотографии археологических находок, сохранившихся в средневековом городище Иднакаре еще с IX–XIII вв. Фотографии (и их расшифровки) вдохновляли В. Ванюшева на создание поэмы. Свою лепту внес и художник Н. А. Быков, проиллюстрировавший книгу этническими рисунками-эскизами, сознательно не завершенными, чтобы читатель смог «достроить» их, опираясь на собственно литературный текст.

Над поэмой В. М. Ванюшев работал не одно десятилетие. Параллельно он переводил на удмуртский язык эпос М. Худякова «Песнь об удмуртских батырах», что вылилось в оригинальную поэму «Дорвыжы» (перевод свободный), а затем – драму-фэнтези «Дорвыжы», поставленную на сцене национального театра.

В лиро-эпической поэме «Удмурт выжы книга (Иднакарын)» автор прославляет труд археологов, показавших всему миру, насколько самобытны и уникальны были жизнь и культура удмуртского народа в средневековье, какие связи поддерживались с близкими и далекими соседями.

Иднакар – исторический памятник и символ гордости удмуртов, своеобразная «книга бытия»:

<i>Бадэ́ым книга кадь</i>	Словно огромная книга
<i>Та удмурт музьем.</i>	Эта удмуртская зэмля.
<i>Кöня даур</i>	Сколько же веков
<i>Пычатэмын пушказ?! [4. С. 18].</i>	Запечатлено в ней?!

Древний Иднакар помог многим удмуртам в постперестроечный период с оптимизмом смотреть в будущее. Обращение к древним истокам – это не столько ностальгия по прошлому, сколько вызов грядущему, грозящему в эпоху глобализации нивелировать национальную самобытность многих народов планеты.

Кто же герои поэмы «Удмурт выжы книга»? Прежде всего это образ «я» нашего современника, внимательно следящего за археологическими раскопками и уходящего в своем воображении в IX–XIII вв. Чередование прозы и поэзии сообщает особую семантику: выражает двойственность (в широком значении) внутреннего мира героя – аналитическое и поэтическое начала, а также сложность и многослойность понятия «историческое время» (в настоящем просвечивает прошлое, а прошлое структурирует будущее).

Другие герои поэмы – богатырь и правитель Идна, женские божества Шунды-Мумы (Мать-Солнце), Музьем-Мумы (Мать-Земля), Гудыри-Мумы (Мать-Гроза), которые предстают перед читателем не столько как мифологические персонажи, сколько как прото-следы и архетипические символы, сохраняющие в себе ментальную основу. Нельзя их рассматривать как симулякры (в постмодернистском значении термина), хотя в русском переводе поэмы такая специфика немного обозначена. Для поэта Василия Ванюшева история Иднакара и прошлое ни в коем случае не могут быть симулякрами, поскольку нашествие враждебных сил с Запада («шунды пуксён палась») на самобытную культуру было что ни на есть горькой реальностью.

Из лейтмотивов (сквозных образов) особого внимания заслуживают образы *книги* и *лебеда*. Актуализация Священной Книги в финале поэмы (великий жрец, чтобы спасти свой народ, вынужден был сжечь эти письмена) – прямое продолжение темы «недра Иднакара как книга».

Мудор, святое место куалы,
Свободное от славы и хулы!
Прими рыданье в гулкой тишине
За Книгу книг, спалённую в огне
Наперекор веленьям Кылдысина!
Мудор, святое место куалы,
Прими слезу отца за муки сына! [4. С. 67].

(Перевод А. Демьянова)

Образ лебеда – это символ бога, эту птицу было запрещено употреблять в пищу; после смерти Идна превращается в лебеда.

Сюжет поэмы в традиционном плане пересказать сложно, сюжетно-фабульная нить сознательно нарушена, интрига заложена в чередовании (кинематографическим языком, в монтаже) картин прошлого и настоящего. Для кого-то книга может читаться как нетрадиционная речь гида-экскурсовода, посвящающая

гостей в тайны городища Иднакар; для кого-то как торжественная ода и воспевание героического прошлого своего народа; а для кого-то – как глубокая боль души и подсознательное обращение к тому, чего вернуть уже нельзя. Думается, что для адекватного понимания авторского замысла читатель должен наслоить эти три интерпретации, и лишь в таком ключе поэма начнет переливаться всеми цветами и оттенками, заложенными в нее.

Отличается и поэтический язык произведения. От фрагмента к фрагменту стихотворные размеры меняют свой рисунок (тут и пятистопный ямб, и четырехстопный хорей, и стихи в форме народных песен). Поэт В. Ванюшев вводит в оборот старинные слова, вышедшие из употребления и востребованные современной эпохой.

Поэму «Удмурт выжы книга (Иднакарын)» можно интерпретировать и как особый шаг к созданию удмуртского эпоса, за что чуть позднее возьмутся Анатолий Перевозчиков («Сказание о Донды...») и Михаил Атаманов («Тангыра»).

Василий Ванюшев плодотворно работает не только на поэтическом поприще, но и в других областях искусства. Он – один из авторов двухсерийного публицистического фильма «Мултанское дело» (1994, режиссер Л. Вахитов). Судьбе эвакуированных литовских детей в период Великой Отечественной войны посвящен кинофильм «Дети с небес» (Вильнюс: «Студия Ю», 2006, режиссер Н. Юхневич). Ораторию «Удмуртские любовные игры» он написал совместно с композитором Е. Копысовой. Много сделал В. М. Ванюшев для укрепления удмуртско-чувашских культурных связей, не случайно он – лауреат Всечувашской национальной премии им. И. Я. Яковлева; благодаря его содействию были напечатаны в Чебоксарах книги К. Герда, В. Ар-Серги, П. Чернова, Л. Кутяновой и др. Из зарубежных связей особо значимы его контакты с финнами Эса-Юсси Салминеном и Йормой Ваккури, которые перевели на финский язык и напечатали его эпос «Дорвыжы».

Главная заслуга В. М. Ванюшева в области литературоведения – это возвращение преданного забвению в годы сталинизма многогранного творческого наследия и доброго имени первого удмуртского писателя и ученого Г. Е. Верещагина. В настоящее время Ванюшев руководит выполнением интеграционного проекта исследователей Ижевска, Сыктывкара и Екатеринбурга «Пути развития пермских литератур в общероссийском историко-культурном контексте».

Таким образом, поэтическое творчество Василия Ванюшева – это синтез реальности и мифа, глубинное постижение закономерностей минувших эпох в соотношении с днем сегодняшним, раскрытие загадок современности с учетом опыта прошлого.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Ванюшев В.* Выжыосы (Мои корни). Ижевск, 1976. 64 с.
2. *Ванюшев В.* Шунды но гудыри (Солнце и молния). Ижевск, 1980. 108 с.
3. *Ванюшев В.* Шунды-Мумы (Мать Солнца). Ижевск, 1990. 128 с.
4. *Ванюшев В.* Удмурт выжы книга (Иднакарын) = Как будто книга бытия... (На Иднакаре). Ижевск, 2006. 68 с.

5. Васильев Ф. Кылбуръёс (Стихи) / Сост. А. А. Ермолаев. Ижевск, 1995. 848 с.
6. Дунская Е. Экзаменует перевод // Лит. Россия. 1985. 13 сент.
7. Ермолаев А. Туннэ но чюказе (Сегодня и завтра). – Ижевск, 1984. С. 147–150.
8. Зуева А. Кылбур – цикл – сборник // Молот. 1980. № 10. С. 50–52.
9. Карпушина Л. Адыамиез жутись чуръёс (Строки, возвышающие человека) // Советской Удмуртия. 1980. 6 сентября.
10. Кононов В. Колосок, задевший небо // Лит. обозрение. 1986. № 9. С. 76–77.
11. Черашинья Д. В пыли полемики // Урал. 1981. № 8. С. 177–180.

Поступила в редакцию 12.01.2016

V. L. Shibarov

Originality of Vasily Vanyushev's Civil Poetry

Vasily Vanyushev takes a special place in the Udmurt poetry of the second half of the twentieth century. Civicism is the main feature of his oeuvre. He sharply feels everything that is happening around a person in his social world. The poet reflects on difficult destiny of the Udmurt village ('the small homeland') and on social status. V. Vanyushev uses vivid symbols to depict the war. Medieval ancient settlement *Idnakar* is in the center of his poetry. V. M. Vanyushev wrote his civil and philosophical poem "Like Genesis (In *Idnakar*)" for 16 years. Its plot is not traditional: pictures depicting the ancient world alternate with the real world. The poem could be interpreted in different ways. Firstly, it resembles a guide's speech. Secondly, the poem is a solemn chanting of the heroic past of the Udmurts. Thirdly, it displays the anguish of mind as it is impossible to return the past. V. Vanyushev's civil poetry is the synthesis of the reality and the myth, deep comprehension of regularities of the Soviet and Post-Soviet society.

Keywords: Udmurt literature, civil lyrics, *Idnakar*, "the small homeland", civicism.

Шибанов Виктор Леонидович,

кандидат филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
420034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: shibvik@ramdler.ru

Shibanov Viktor Leonidovich,

Candidate of Sciences (Philology), Assistant Professor,
Udmurt State University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya St., 1
E-mail: shibvik@ramdler.ru